MASTER NEGATIVE NO. 91-80016-21

AUTHOR:

LIUBAVSKII, MATVIEI KUZMICH

TITLE:

XVIII VIEK I LOMONOSOV

PLACE:

MOSKVA

DATE:

1912

Master Negative #

91-80016-21

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

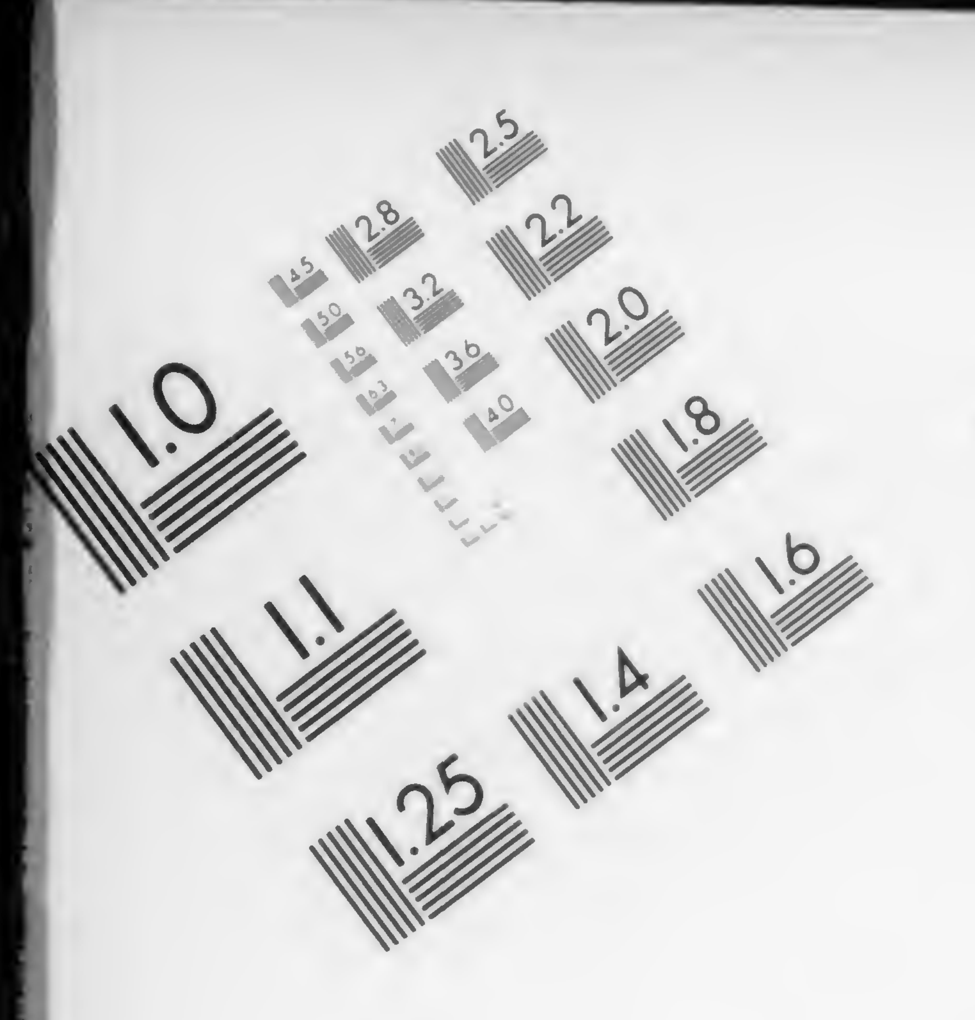
Liubavskii, Matviei Kuz'mich, 1860- 1936.
XVIII viek i Lomonosov. [The XVIII century and Lomonosov. An address] [Moskva, Tip. Imp. Moskovskago universiteta, 1912]
16 p. 25½ cm.

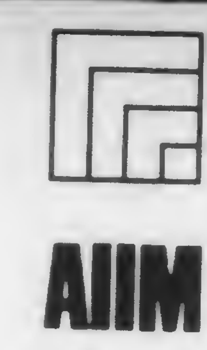
Caption title.

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

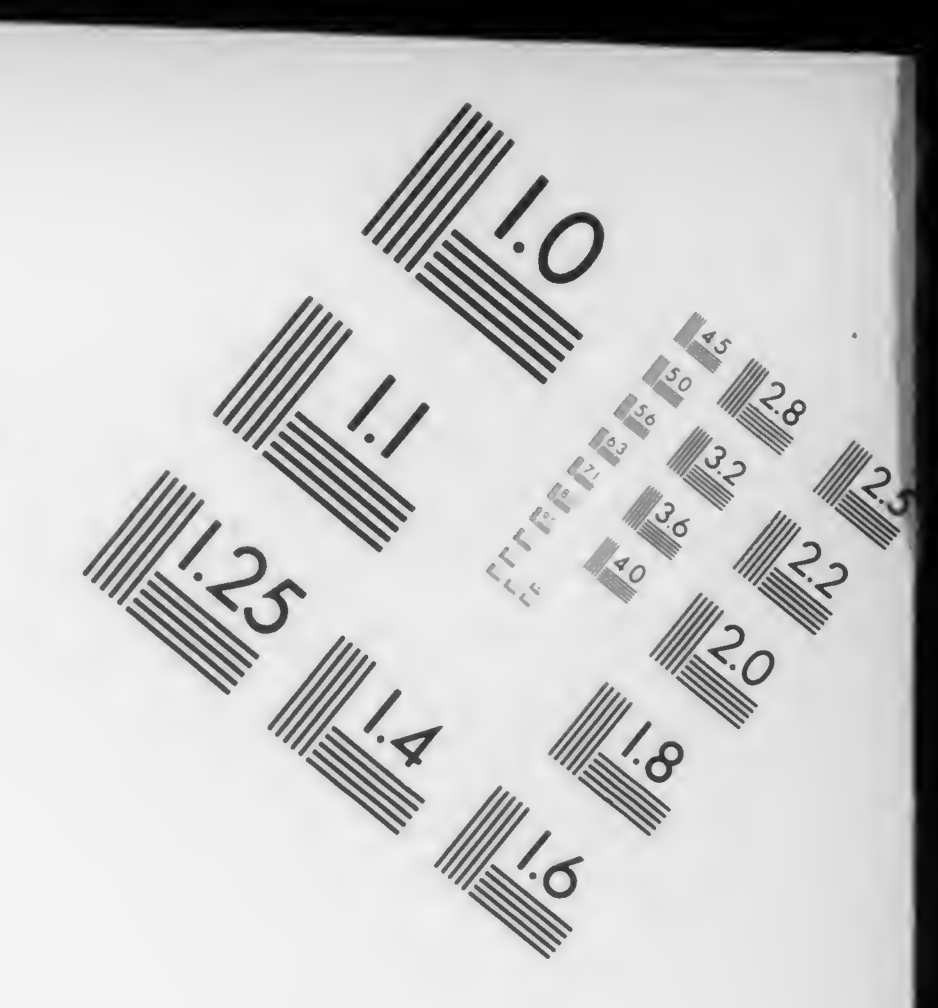
FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/26/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

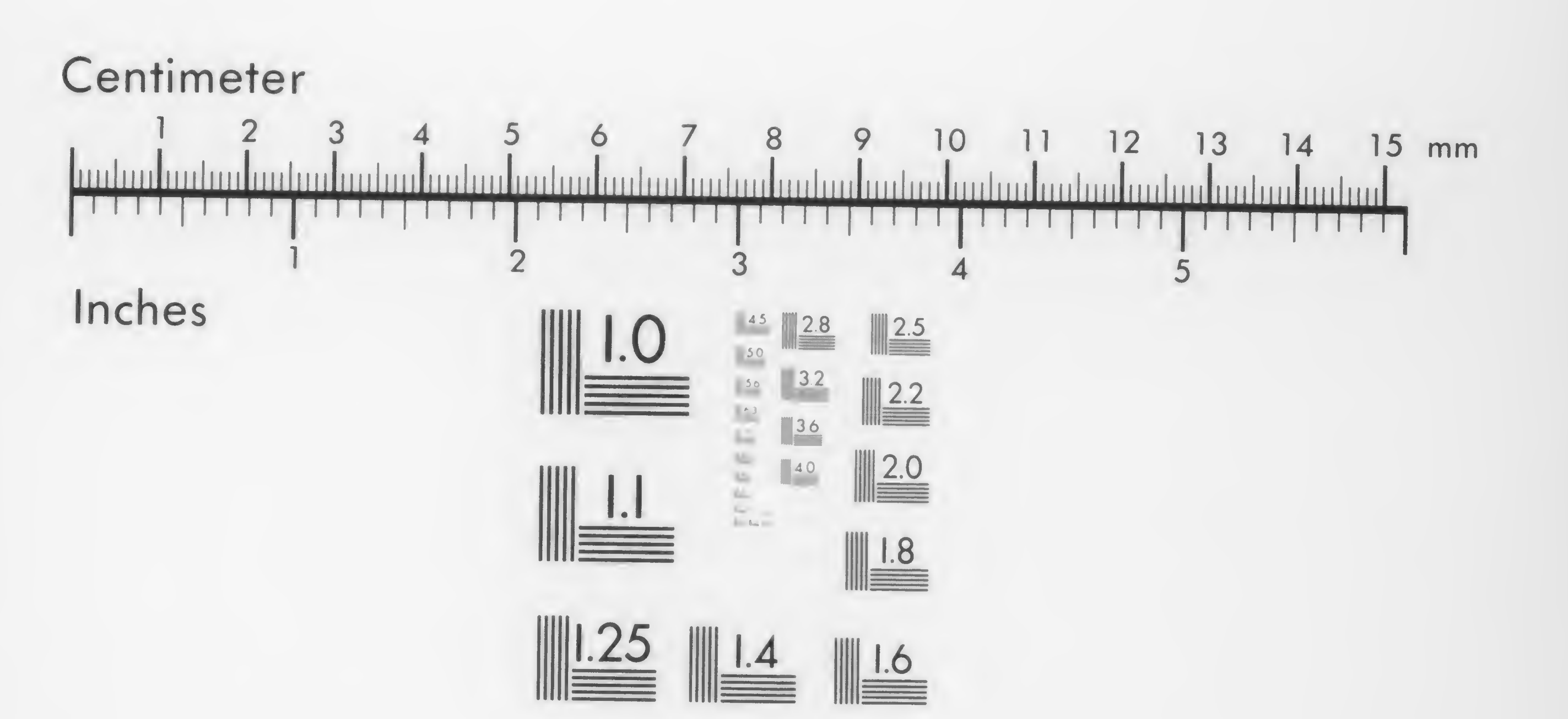

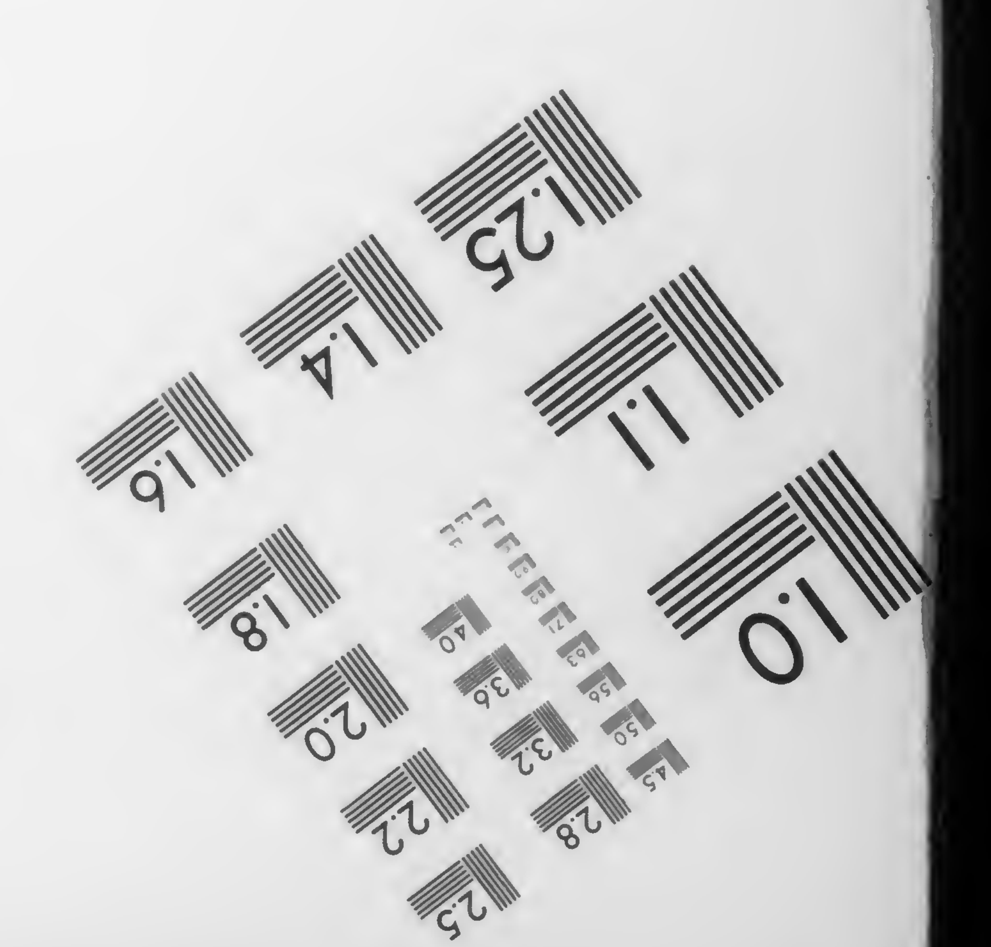

AIIM

Association for Information and Image Management
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

XVIII вѣкъ и Ломоносовъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Ломоносовъ *отъ природы* получилъ великіе дары духа, былъ „геніемъ Божіею милостію". Несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ „исключительно счастливо сложенныхъ натуръ, какія по неизвѣданнымъ еще причинамъ отъ времени до времени появляются въ человѣчествѣ" [1]). О духовной мощи Ломоносова мы услышимъ сегодня въ рѣчахъ, посвященныхъ его литературнымъ и научнымъ трудамъ. Я же остановлю Ваше вниманіе только на нѣкоторыхъ фактахъ его школьной выучки и научнаго образованія, которые оставляютъ въ этомъ смыслѣ совершенно опредѣленное впечатлѣніе.

19 лѣтъ отъ роду Холмогорскій рыбакъ засѣлъ за школьную науку въ Московской славяно-греко-латинской академіи. У себя на родинѣ онъ только выучился бѣгло и съ разумѣніемъ читать по церковнославянски и правильно, насколько умѣли тогдашніе земскіе и церковные дьячки, писать по русски [2]). По прошествіи перваго полугодія перевели его изъ нижняго класса во второй; въ томъ же году изъ второго въ третій. Черезъ годъ послѣ того онъ уже настолько сталъ силенъ въ латинскомъ языкѣ, что сталъ сочинять на немъ неболь-

---

[1]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. IV, стр. 291.
[2]) См. *Б. Н. Меншуткинъ*, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, стр. 8. Спб. 1911 г.

шіе стихи. Слѣдовательно два неполныхъ года понадобилось Ломоносову для того, чтобы овладѣть школьною латынью—тогдашнимъ научнымъ языкомъ. На этомъ языкѣ въ 1734 году, слѣдовательно на четвертомъ году школьнаго ученія, Ломоносовъ написалъ уже учебникъ реторики „Artis Rhetoricae praecepta“, весьма близкій по содержанію къ его же „Краткому руководству къ краснорѣчію“, которое онъ издалъ въ 1748 году уже въ качествѣ академика [1]). Прекрасное знаніе латинскаго языка помимо общей даровитости Ломоносова несомнѣнно было причиною его командировки въ Петербургъ и далѣе за границу для продолженія научнаго образованія. Въ той же Заиконоспасской школѣ Ломоносовъ научился и греческому языку. Пытался онъ изучить также и математику съ физикою, для чего отправился даже въ Кіевъ, въ тамошнюю духовную академію, но не получилъ тамъ надлежащаго наученія въ этихъ наукахъ „и больше упражнялся въ чтеніи древнихъ лѣтописцевъ и другихъ книгъ, писанныхъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ“. Ломоносовъ скоро постигъ всю премудрость духовной школы, такъ что уже на четвертомъ году своего обученія сталъ испытывать духовный голодъ. При этомъ надо замѣтить, что школьное ученіе Ломоносова протекало при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Славяно-греко-латинская академія не имѣла тогда ученическаго общежитія, и воспитанникамъ приходилось по большей части ютиться въ грязныхъ каморкахъ городской бѣдноты, зачастую даже среди подонковъ общества. Ломоносовъ впослѣдствіи, въ письмѣ къ Шувалову отъ

---

[1]) Пекарскій, Исторія Императорской Академіи Наукъ, т. II, стр. 286, 287.

10 мая 1753 года, самъ засвидѣтельствовалъ, какъ трудно было ему учиться въ духовной академіи. „Обучаясь въ спасскихъ школахъ,—писалъ онъ,—имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ науки пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти неопреодолимую силу имѣли“. Особенно тяжелы были матеріальныя лишенія, заставлявшія жить впроголодь. „Имѣя одинъ алтынъ жалованія,—пишетъ Ломоносовъ,—нельзя было имѣть на пропитаніе больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ“ [1]).

Такую же необыкновеную даровитость обнаружилъ Ломоносовъ и во время своего научнаго образованія за границею. Ломоносовъ прибылъ со своими товарищами въ Марбургъ 3 ноября 1736 года, не зная совершенно нѣмецкаго языка. Не прошло и года послѣ того, какъ ихъ ученый руководитель Христіанъ Вольфъ писалъ главному командиру Петербургской Академіи Наукъ барону Корфу: „Виноградовъ и Ломоносовъ начинаютъ уже говорить по-нѣмецки и довольно хорошо понимаютъ то, о чемъ говорится“ [2]).

Въ 1738 году Ломоносовъ уже свободно говорилъ и писалъ по-нѣмецки. Онъ сталъ представлять рапорты въ Академію Наукъ о своихъ занятіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ то же время онъ изучилъ и французскій языкъ. Въ 1738 году онъ успѣлъ уже въ немъ настолько, что могъ сочинить стихотворный переводъ оды Фенелона.

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 204. Спб. 1865.

[2]) Пекарскій, Исторія Императорской Академіи Наукъ, т. II, стр. 291.

Ломоносова отправили за границу для того, чтобы изучить химію и горное дѣло, а также естественную исторію, физику, геометрію и тригономерію, механику, гидравлику и гидротехнику. Въ четыре года безпутной и разгульной жизни нѣмецкаго бурша Ломоносовъ пріобрѣлъ основательныя познанія по всѣмъ этимъ наукамъ. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ въ донесеніи Академіи Наукъ отъ 12 сент. 1740 г. нерасположенный къ Ломоносову Фрейбургскій профессоръ Генкель, у котораго онъ учился и недолго, и неохотно. „По моему мнѣнію,—писалъ Генкель,—г. Ломоносовъ, довольно хорошо усвоившій себѣ теоретически и практически химію, преимущественно металлургическую, а въ особенности пробирное дѣло, равно какъ и маркшейдерское искусство, распознаваніе рудъ, солей и водъ, способенъ основательно преподавать механику, въ которой онъ по отзыву знатоковъ очень свѣдущъ“... [1]) Отзывъ Генкеля былъ несомнѣнно неполонъ: еще при отъѣздѣ Ломоносова изъ Марбурга профессоръ Дуйзингъ засвидѣтельствовалъ объ успѣхахъ Ломоносова въ математикѣ и физикѣ, и этотъ отзывъ оправдывается всею послѣдующею научною дѣятельностью Ломоносова.

Итакъ, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ несомнѣнно былъ талантомъ-самородкомъ. Этотъ талантъ-самородокъ вышелъ изъ среды крѣпкаго тѣломъ и духомъ крестьянства русскаго Сѣвера, на которомъ съ чувствомъ великаго удовлетворенія останавливается вниманіе историка. Это крестьянство было преимущественно промысловое, ходившее по морямъ, тундрамъ и лѣсамъ сѣвера за рыбою, звѣремъ и солью, энергичное и смѣтливое, свободное и свободолюбивое, богатѣвшее и обогащавшее каз-

---

[1]) Пекарскій, op. cit., стр. 306.

ну русскаго государя. Съ незапамятныхъ временъ это крестьянство пользовалось широкимъ самоуправленіемъ, было предоставлено самому себѣ подъ условіемъ исправнаго несенія государственныхъ повинностей. Крѣпостная неволя не коснулась этого края, не истощила ни физически, ни экономически, ни духовно здѣшняго мужика, не убила его умъ и волю, не порвала его прямой связи съ государствомъ и не заглушила въ немъ здороваго чувства государственности. Это мужичье царство изъ самого себя выдѣляло крупныхъ землевладѣльцевъ, богатыхъ торговцевъ и промышленниковъ, свою интеллигенцію въ лицѣ поповъ, дьячковъ земскихъ и церковныхъ и разныхъ другихъ грамотѣевъ. Но живя „о себѣ“, это крестьянство вмѣстѣ съ тѣмъ не стремилось къ обособленію отъ остальныхъ частей Руси, живо чувствовало и крѣпко поддерживало свою связь съ ними. Въ смутное время вмѣстѣ съ Поволжьемъ оно на своихъ плечахъ поддержало падавшій государственный порядокъ. Много жертвъ приносило оно для государства и въ теченіе XVII вѣка, платя въ казну свои стрѣлецкія деньги, многочисленныя пятыя, десятыя деньги съ животовъ и промысловъ, неся различныя казенныя службы въ вѣрныхъ головахъ и цѣловальникахъ. Поддерживало оно и Петра Великаго въ его стремленіяхъ къ развитію мореплаванія, торговли и промышленности, ставя ему матросовъ, строя суда, работая въ учреждаемыхъ имъ промышленныхъ предпріятіяхъ, и поддерживало не только по неволѣ, по обязанности, но подчасъ и съ замѣтнымъ сочувствіемъ.

Живое національное чувство совмѣщалось у этого крестьянства съ религіозностью не только внѣшнею, но и внутреннею. Духовная жизнь била нерѣдко ключемъ въ

этой трудовой массѣ, выражаясь въ горячихъ спорахъ о вѣрѣ, объ обрядахъ, о настоящей христіанской жизни. Правда, что эта жизнь духа проявлялась иногда въ уродливыхъ формахъ, но при всемъ томъ это была жизнь, а не апатія, или тупое равнодушіе. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ въ полной мѣрѣ былъ дѣтищемъ этой своеобразной общественной среды и получилъ отъ нея всѣ ея, какъ положительныя, такъ и отрицательныя свойства: трезвый практическій смыслъ, умственную даровитость, глубокую религіозность, здоровое и сильное чувство общественности и государственности, горячую любовь къ родинѣ наряду съ внѣшнею грубоватостью и наклонностью къ разнымъ излишествамъ.

Природные таланты Ломоносова нашли себѣ то, а не другое примѣненіе, благодаря особымъ условіямъ времени, въ какое пришлось жить и дѣйствовать Ломоносову. Родись Ломоносовъ не при Петрѣ Великомъ, а, напр., при его дѣдѣ или даже отцѣ, изъ него вышелъ бы, конечно, не геніальный русскій ученый, а въ лучшемъ случаѣ либо соборный протопопъ, либо земскій староста, въ худшемъ — какой-нибудь земскій площадной или церковный дьячекъ-грамотѣй, который сталъ бы писать не научные трактаты на латинскомъ языкѣ, а разныя купчія, дарственныя, рядныя и челобитныя, справедливыя и кляузныя. Въ этомъ смыслѣ справедливо, что Ломоносова создало время, когда онъ жилъ, что онъ былъ сыномъ своего вѣка.

Время это было продолженіемъ времени Петра Великаго. Самъ преобразователь Россіи уже смежилъ свои очи и спалъ непробуднымъ сномъ въ могилѣ,—но его дѣло, хотя и не такъ споро, продолжалось и послѣ его смерти. Мощный царь такъ сильно двинулъ Россію по новому

пути жизни, что это движеніе шло долгое время, такъ сказать, по инерціи, пока не было подхвачено новымъ царственнымъ натискомъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Петръ оставилъ послѣ себя не мало убѣжденныхъ сторонниковъ и сотрудниковъ своей реформы, всячески старавшихся продолжать его дѣло, кончать то, что онъ началъ.

Въ своемъ направленіи Петръ обработалъ достаточно и общественное мнѣніе, значительно измѣнилъ взгляды и вкусы общества, утвердилъ неопреодолимую тягу къ западу, къ усвоенію европейской культуры, европейскаго просвѣщенія. Онъ умеръ, окруженный ореоломъ величія, создавъ культъ своей личности, своего дѣла. Этотъ культъ не только сосредоточивался въ столицѣ и другихъ центрахъ, но разбросался по всей Россіи, которую самъ Петръ исколесилъ и изучилъ вдоль и поперекъ. Великаго царя видали и на сѣверѣ, и на югѣ, и на западѣ, и всюду онъ оставилъ по себѣ неизгладимое впечатлѣніе, и не однихъ только враговъ, но и горячихъ друзей и поклонниковъ. Посѣянныя имъ сѣмена знанія и просвѣщенія легли не только въ столицѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ и городишкахъ и даже селахъ и деревняхъ. Родина Ломоносова какъ разъ была мѣстомъ, гдѣ живо помнили и даже любили Петра, гдѣ сохранялись слѣды его дѣятельности и просвѣтительныхъ усилій. Ломоносовъ еще въ дѣтствѣ могъ слышать о томъ, какъ 28 іюля 1693 года послѣ долгихъ ожиданій „объявился отъ Куростровa своими судами великій государь.... на семи стругахъ, а великаго государя стругъ впереди всѣхъ шолъ“, какъ затѣмъ государь встрѣченъ былъ въ Холмогорахъ и „шествовалъ съ бояры и со всѣми чиновными людьми черезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ каретѣ“[1]);

[1]) Двинская лѣтопись, изд. А. Титовымъ, стр. 63—64. 1889.

какъ онъ былъ въ Вавчугѣ у тамошняго зажиточнаго крестьянина Баженина, какъ просто обращался съ народомъ, какъ плавалъ по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Унскихъ рогахъ и т. д.

Фамилія Ломоносовыхъ принадлежала къ числу тѣхъ, которые тянулись къ свѣту, возженному Петромъ. Родственникъ Михаила Васильевича, Никита Ломоносовъ, грамотѣй, служившій въ Архангельской портовой таможнѣ, ѣздилъ въ „парадизъ" преобразователя—Петербургъ, чтобы взглянуть собственными глазами на дѣла Петра и новые порядки [1]). Отецъ Михаила Васильевича—Василій Дороѳеевъ „первый изъ жителей сего края состроилъ и по европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ и ходилъ на немъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану... въ Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди, на рѣку Мезень и въ Пустозерскъ" [2]).

И самъ Михаилъ Васильевичъ еще въ отчемъ дому несомнѣнно подпалъ подъ культурное воздѣйствіе, шедшее отъ того же Петра. Ему захотѣлось новой науки, не той, какую можно было найти у себя на родинѣ, послѣ того, какъ онъ ознакомился съ ариѳметикою Магницкаго, изданною по повелѣнію Петра въ 1703 году и оказавшеюся въ библіотекѣ сосѣда Ломоносова—крестьянина Дудина. Эта ариѳметика была своего рода физико-математическою энциклопедіею—содержала свѣдѣнія изъ геометріи, физики, астрономіи, таблицы склоненія магнитнаго и солнечнаго и другіе предметы. Эта книга

[1]) Ломоносовскій Сборникъ, изд. Академіею Наукъ, стр. 34. Спб. 1911 г.
[2]) Тамъ же, стр. 37.

вмѣстѣ съ грамматикою Мелетія Смотрицкаго и распалила юнаго Ломоносова жаждою новой науки, за которою онъ и отправился въ Москву. Самъ Ломоносовъ призналъ эти книги „вратами своей учености". Какъ уже теперь дознано, Ломоносовъ ушелъ учиться въ Москву не тайно, а съ вѣдома и даже благословенія родныхъ и близкихъ людей, — которые, очевидно, уже въ состояніи были понять и оцѣнить его стремленія...

И дальнѣйшая судьба Ломоносова опредѣлилась въ зависимости отъ просвѣтительной политики все того же Петра, продолжавшейся и послѣ его смерти. По мысли Петра была открыта въ 1725 году Императорская Академія Наукъ, въ которой должны были не только разрабатываться науки, но и обучаться русскіе молодые люди. Ломоносовъ, какъ извѣстно, попалъ въ наборъ, производившійся для академическаго университета въ 1735 году. — И съ того времени жизнь и дѣятельность его до самой смерти связалась неразрывно съ Академіею Наукъ. Академія послала его за границу для обученія химіи и металлургіи, идя въ данномъ случаѣ по пути, уже протоpенному Петромъ, который обычно отправлялъ людей для выучки за границу, когда дома не находилось свѣдущихъ лицъ. Достойно отмѣтить, что Ломоносова отправили для полученія общаго физико-математическаго образованія къ тому же самому Христіану Вольфу, который былъ совѣтчикомъ и агентомъ Петра при учрежденіи Академіи Наукъ. По справедливости, можно признать, что Петръ, лежа въ гробѣ, былъ какъ бы опекуномъ Ломоносова, который направлялъ его жизненную карьеру. И такъ какъ эта опека не только не была тягостною, но наоборотъ—шла навстрѣчу горячимъ желаніямъ и стремленіямъ самого Ломоносова, то послѣд-

ній и преисполнился самыми теплыми и благодарными чувствами къ Петру. Ломоносовъ, можно сказать, боготворилъ Петра, и сдѣлавшись академикомъ, неустанно восхвалялъ его какъ въ стихахъ, такъ и прозѣ. Чтобы онъ ни писалъ,—оду ли по случаю какого-нибудь придворнаго торжества, ученое ли разсужденіе, онъ всегда находилъ предлогъ и поводъ помянуть добрымъ словомъ и „отца отечества“; если не было благовиднаго предлога, онъ изобрѣталъ его, обращался къ Петру вмѣсто Музы. Петру Великому онъ посвятилъ цѣлую поэму и особое похвальное слово, въ которомъ выставилъ всѣ его дѣла: науки, войско, флотъ, побѣды, усиленіе внутренней производительности и безопасности и устроеніе правосудія; преодолѣнныя имъ препятствія: внутреннюю измѣну и внѣшнихъ враговъ; обнаруженныя при этомъ добродѣтели: благочестіе, премудрость, мужество, великодушіе, правосудіе, милосердіе, неутомимость. По мнѣнію Ломоносова, исторія не знаетъ ему подобнаго. Для иллюстраціи отношенія Ломоносова къ Петру приведу здѣсь коротенькое стихотвореніе „Къ статуѣ Петра Великаго“:

„Се образъ изваянъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда Онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ супостатовъ,—
И словомъ се есть Петръ отечества отецъ;

Земное Божество Россія почитаетъ,
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть ему обязанныхъ сердецъ“ [1]).

Такое сердце было именно у Ломоносова, который до конца дней своихъ не переставалъ преклоняться передъ своимъ земнымъ божествомъ. Образъ Петра былъ для Ломоносова всегда маякомъ, освѣщавшимъ ему жизненный путь, источникомъ, въ которомъ онъ почерпалъ нравственныя силы въ борьбѣ за дѣло науки и просвѣщенія.

Уже давно замѣчено было и отмѣчено сходство Ломоносова съ Петромъ Великимъ. Объясненіе этому сходству, помимо случайнаго сродства натуръ, надо искать главнымъ образомъ въ томъ, что Ломоносовъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ духовнымъ сыномъ Петра, возросшимъ въ культурной атмосферѣ, созданной великимъ преобразователемъ Россіи.

Герценъ писалъ когда-то, что Петръ сдѣлалъ вызовъ Россіи, и она дала ему Пушкина. Этотъ афоризмъ нуждается въ исправленіи въ томъ смыслѣ, что Россія отвѣтила Петру прежде всего Ломоносовымъ, а затѣмъ уже, и черезъ него, Пушкинымъ.—Духовный сынъ Петра сдѣлался самымъ ревностнымъ и страстнымъ его посмертнымъ сотрудникомъ, продолжателемъ его дѣла.

„За утвержденіе наукъ въ отечествѣ,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю“. Здѣсь сказался тотъ же, если хотите, просвѣтительный фанатизмъ, который былъ и у Петра, ополчившагося, какъ извѣстно, за утвержденіе наукъ въ Россіи противъ родного сына. Въ объясненіе

---

[1]) Сочиненія Ломоносова въ Смирдинскомъ изданіи, т. 1, стр. 231.

этому надо указать на общій взглядъ Ломоносова на науку. „Испытаніе натуры,—говорилъ онъ—трудно, однако пріятно, полезно, свято". Эта вѣра въ святость знанія никогда не покидала Ломоносова: для него служеніе наукѣ—было „религіознымъ дѣланіемъ", „богослуженіемъ", „подвижничествомъ"... Ломоносовъ не боялся того, что отъ науки можетъ быть какая-либо поруха вѣрѣ. „Правда и вѣра,—писалъ онъ по поводу явленія Венеры на солнцѣ 26 мая 1761 года,—суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго родителя; никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ". „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, что бы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій, — суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтырю научиться можно астрономіи или химіи. Толкователи и проповѣдники священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе правильнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры" [1]). Ломоносовъ не былъ одинокъ въ этихъ воззрѣніяхъ. Они были, можно сказать, общимъ достояніемъ сподвижниковъ Петра. Ихъ можно подмѣтить и у Ѳеофана Прокоповича, и у Кантемира, и у Татищева и т. д. Для нихъ былъ и одинъ общій источникъ — тогдашняя философія запада, съ произведеніями которой знакомились сотрудники Петра.

Съ такими воззрѣніями на науку Ломоносовъ ревностно, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, дѣлалъ дѣло своей жизни,—испытывалъ природу, изслѣдовалъ тайны бытія.—Посланный за границу для полученія технической выучки, Ломоносовъ вернулся оттуда самостоятельнымъ ученымъ, культивировавшимъ чистое знаніе. Этотъ крестьянскій сынъ понималъ науку, какъ истый аристократъ, для котораго она имѣетъ цѣну, независимо отъ прямой своей практической пользы или примѣненія. — Но это не значитъ, чтобы Ломоносовъ чуждался практическихъ результатовъ науки. Наоборотъ: всегда, когда было можно, онъ и словомъ и дѣломъ иллюстрировалъ житейскую пользу науки. Получивъ при своихъ химическихъ опытахъ цвѣтныя стекла, Ломоносовъ тотчасъ же пустилъ въ дѣло свое открытіе. Онъ завелъ особые рѣзцы для

---

[1]) Сочиненія Ломоносова въ Смирд. изданіи. II, стр. 257—274.

рѣзанія стеколъ и станки для ихъ шлифованія. Изъ цвѣтныхъ стеколъ онъ сталъ готовить посуду, стеклярусъ, бисеръ и мозаичныя изображенія. Первымъ художественнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ былъ образъ Богоматери, который онъ поднесъ государынѣ. Этотъ образъ составленъ былъ изъ 4000 кусочковъ цвѣтныхъ стеколъ, для изобрѣтенія составовъ которыхъ Ломоносовымъ было сдѣлано 2184 опыта въ стеклянно-плавильныхъ печахъ. Онъ устроилъ даже цѣлую фабрику мозаичныхъ издѣлій, для которой выхлопоталъ у правительства денежныя средства и двѣ приписныхъ деревни съ 211 душами крестьянъ. Всѣ машины и станки для этой фабрики были изготовлены при Академіи Наукъ по собственноручнымъ рисункамъ Ломоносова. На этой фабрикѣ изготовлены были мозаичный портретъ Петра Великаго, поднесенный Ломоносовымъ Сенату, и огромная картина „Полтавской баталіи" (3 сажени въ ширину, $2^1/_2$ въ вышину). Московскій Университетъ, повидимому, также имѣетъ счастье хранить у себя одно изъ мозаичныхъ произведеній Ломоносова—образъ Господа Саваоѳа, висящій въ углу въ этой (актовой) залѣ.

Польза отечества — была второю идеею, которая связывалась у Ломоносова съ научными занятіями. Для Ломоносова такъ же, какъ и для Петра, наука, знаніе были орудіями, средствами государственнаго строительства. Съ какимъ бы ученымъ проектомъ онъ ни выступалъ, онъ всегда въ качествѣ лейтъ-мотива выдвигалъ пользу отечества. И на всѣ свои ученыя занятія смотрѣлъ не какъ на удовлетвореніе своихъ личныхъ потребностей и стремленій, а именно какъ на служеніе отечеству. Принимаясь за осуществленіе своихъ широкихъ начинаній, онъ обыкновенно мыслилъ такъ: „Ежели Богъ

велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ... Я самъ не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче сдѣлать". Лежа на смертномъ одрѣ, Ломоносовъ говорилъ: „жалѣю только, что покидаю несовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ" [1]).

Ломоносовъ не былъ ученымъ ремесленникомъ, онъ велъ свои ученыя занятія при высокомъ подъемѣ духа, при сильномъ напряженіи нравственнаго сознанія: онъ чувствовалъ всегда и сознавалъ, что, занимаясь наукою онъ служилъ въ каждый данный моментъ Богу, отечеству. И этотъ высокій душевный подъемъ, кромѣ таланта, былъ несомнѣннымъ условіемъ его научныхъ успѣховъ.

Высокій душевный подъемъ былъ отличительною чертою и преобразователя Россіи, и всѣхъ его искреннихъ сподвижниковъ. Они также все, что дѣлали по части просвѣщенія или благоустройства, дѣлали для любезнаго отечества. Ломоносову этотъ душевный подъемъ сообщался, такъ сказать, по инерціи, по наслѣдству. Онъ несомнѣнно поддерживался тою борьбою, которую пришлось Ломоносову, какъ и Петру, вести съ косностью, съ тупымъ невѣжествомъ, съ равнодушіемъ и безнравственностью окружающей среды. Но эта же борьба, зажигая сильный огонь въ духѣ Ломоносова, заставила его сгорѣть преждевременно, на 54-мъ году жизни. Особенно тяжела для него оказалась борьба съ коллегами по академіи, которыя въ дѣло науки и просвѣщенія вносили нерѣдко свои личные счеты и расчеты, мелкіе происки и интриги. „Не употребляйте Божьяго дѣла

[1]) *Пекарскій*, Исторія Академіи Наукъ, т. II, стр. 875, 876.

для своихъ пристрастей,—взывалъ онъ къ нимъ—дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго". Какъ бы въ утѣшеніе самому себѣ Ломоносовъ говорилъ: „за то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великаго, чтобы научились Россіяне, чтобы показали свое достоинство... Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ".

Мы, какъ дѣти отечества, не можемъ, разумѣется, не пожалѣть, что смерть такъ рано унесла Ломоносова, не дала ему совершить многаго, что онъ задумалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дѣти отечества, мы не можемъ не испытать чувства гордости отъ того, что были у насъ люди, подобные Ломоносову, подобные его царственному кумиру—Петру.

Въ послѣднее время, милостивые государи, въ исторической литературѣ проявилась склонность умалять значеніе личности Петра Великаго и совершеннаго имъ дѣла. Но уже то обстоятельство, что передъ нимъ такъ благоговѣлъ и преклонялся, имъ такъ вдохновлялся геніальный ученый провидецъ—Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ служитъ для насъ показаніемъ тщеты подобныхъ усилій.

Величіе Петра и его дѣла подтвердилъ Ломоносовъ своимъ появленіемъ въ роли перваго русскаго ученаго, своею научною и литературною дѣятельностью и своими восторженными диѳирамбами въ честь отца отечества, великаго Петра. Величіе Петра и его дѣла подтвердилъ онъ и тѣмъ, что далъ первую причину къ основанію нашего корпуса—Императорскаго Московскаго Университета.

М. Любавскій.

Москва. Типографія Императорскаго Московскаго Университета. 1912 г.